

Е Сюймэн вылетел из клуба и едва ли не рыбкой нырнул на заднее сиденье такси.

— Шеф, быстрее! Живей трогай! В Цзиньхуаюань!

Он обмяк на сиденье, его голос сорвался и охрип, напоминая цыпленка, которому только что свернули шею.

Водитель бросил в зеркало заднего вида взгляд на молодого человека: бледного, с растрепанными во все стороны волосами и лицом, полным отчаяния.

Брови мужчины чуть нахмурились, но расспрашивать он не стал. Выжав газ до упора, машина резко рванула с места, вливаясь в сияющий речной поток ночных огней.

Е Сюймэн вцепился в край оконного стекла, и холод наощупь помог ему хоть немного вернуться в реальность.

Он осторожно повернул голову, широко распахнув собачьи глаза, на дне которых еще блестели слезы, и немигающе уставился на проносящиеся за окном неоновые вывески и фары машин.

Он так боялся, что в следующую секунду тот мужчина в дорогом костюме, похожий на сошедшего с небес демона возмездия, внезапно нагонит его.

Лишь когда такси миновало три перекрестка, окончательно оторвавшись от того района, и парень убедился, что никакой подозрительный автомобиль за ними не следует, он позволил себе ослабить бдительность и шумно, с облегчением выдохнул.

Ткань на спине уже насквозь пропиталась холодным потом. Липкая от влаги одежда на коже под порывами ночного ветра из окна вызвала новые судороги озноба.

Тупая боль в локтях и тазовых костях тоже дала о себе знать со значительным опозданием.

Но вся эта физическая боль не шла ни в какое сравнение с тем глубоким чувством брошенности и насмешки, что царило в его душе.

Жалкое личико Бай Вэйвэй и то, как решительно и быстро она исчезла, снова и снова всплывали в его голове.

Он, как последний дурак, ринулся в героические спасители красавицы, а в итоге богиня сделала ручкой и удрала быстрее зайца, оставив его одного расхлебывать кашу с этим живым яньским царем...

В носу у Е Сюймэна защемило, а глаза заволокло горячей влагой.

Это было его первое увлечение, и он еще даже не успел признаться в чувствах, а всё уже закончилось столь нелепым и жалким образом.

Он яростно шмыгнул носом, силой загоняя подступающую обиду обратно.

Ради такой женщины не стоило проливать слез!

Сердито подумал он, но пустота в груди от этого стала только тяжелее.

Наконец такси остановилось у входа в знакомый жилой комплекс.

Рассчитываясь за проезд, Е Сюймэн все еще слегка подрагивал.

Он быстро проскочил в ворота и побежал трусцой прямо к парку внутри квартала.

Тусклый свет уличных фонарей пробивался сквозь листву, ложась на землю узорчатыми тенями.

Тихо и монотонно стрекотали цикады.

Е Сюймэн, переживший катастрофу и волочивший свое больное и ноющее тело, добрался до центральной скамейки и тяжело опустился на нее.

Хотя от холодного камня его слегка передернуло, сейчас это дарило удивительное чувство безопасности.

Он запрокинул голову, прислонившись к спинке, и шумно выдохнул всю накопившуюся за день дурную энергию.

В тот самый момент, когда его веки стали тяжелеть, чья-то рука с прохладной кожей без предупреждения тяжело опустилась ему на левое плечо!

— А-а-а!

От испуга Е Сюймэн подпрыгнул на месте.

В голове с грохотом взорвалось, и только что утихшие эмоции вновь вынесло на поверхность ужасными воспоминаниями.

Ледяной, пугающий взгляд Шэнь Инчжоу и его смертоносные слова бешено закружились в сознании!

Он даже не посмел оглянуться, чтобы посмотреть, кто там стоит, инстинктивно закрыв голову руками.

Скукожившись наполовину, он выпалил целую череду бессвязных воплей:

— Простите! Простите! Братец! Братец! Братец! Я неправ! Честно неправ! Не должен был вас оскорблять! Не должен был наступать на ногу! Не должен был толкать!

У моих родителей я единственный сын! Умоляю, пощадите! Если будете бить... пожалуйста, только не по лицу...

Он зажмурился и орал во всю моль, и его крики эхом разносились по безлюдному и тихому парку.

Вся эта сцена — донельзя трусливая, заставляющая мечтать лишь о том, чтобы провалиться сквозь землю — выглядела крайне комично.

Однако ожидаемых ударов и опасности так и не последовало.

Тишину нарушил сдавленный, но всё же вырвавшийся из горла странный смешок.

— Пф-ф... кхе-хе...

Этот смех... кажется, знаком?

Мольбы Е Сюймэна резко оборвались. Он осторожно опустил руки и украдкой бросил взгляд назад.

Из темного угла показалась пара белоснежных и чистейших кед и брюки цвета хаки, отглаженные до абсолютного отсутствия складок.

Взгляд выше — безупречная белая рубашка с застегнутой на самую верхнюю пуговицу горловиной.

А венчает всё это симпатичное, красивое лицо в тонкой оправе золотистых очков.

Сейчас это обычно холодное лицо покрывала сдержанная улыбка.

Глаза за стеклами очков слегка изогнулись мягким полумесяцем, а уголки губ тронула едва заметная, полная едкой иронии усмешка.

Се Цзиньлань одной рукой залез в карман, а другой поправил очки, глядя на Е Сюймэна как на умалишенного.

Выражение ужаса на лице Е Сюймэна застыло, и он тут же вскочил с земли.

— Се! Цзинь! Лай! — в его глазах плескалась обида и обвинение, а голос сам собой сорвался на повышенные тона.

— Ты... чего ты тут среди ночи прячешься и пугаешь людей призраками? Разве ты не знаешь, что до смерти напугать кого-то можешь?!

Если бы не многолетняя дружба, Е Сюймэн всерьез захотел бы разок врезать по этой его вечно «ледяной» физиономии.

Се Цзиньлань спрятал эту редкую улыбку, вернув лицу невозмутимое выражение, и неторопливо поправил переносицу очков.

— Объялся, вышел прогуляться, — ровным, лишенным каких-либо интонаций голосом выдавил он из себя. — Что ты сейчас... орал? Кого оскорбил?

Стекла очков Се Цзиньлани блеснули пытливым холодным светом. — И еще... братец? Какой еще братец? Звучит так... будто ты связался с кем-то изрядным?

Последний слог слегка взмыл вверх, выдавая тщательно сдерживаемое любопытство.

Е Сюймэн чуть не задохнулся от того, с каким серьезным видом Се Цзиньлань предавался сплетням.

Он свирепо зыркнул на приятеля и, словно выплескивая злость, со всего маху рухнул обратно на скамейку с глухим стуком.

Усталость и страх от недавнего побега из лап опасности, помноженные на неловкость перед другом, застывшим его в столь постыдный момент.

А вдобавок — едва подавленная кислая горечь неразделённой любви. Все эмоции перемешались, заставив парня сникнуть, точно побитый морозом кочан пекинской капусты.

Его плечи обвисли, голова безжизненно свесилась, а глухой голос был полон тяжелого уныния

и самобичевания:

— И не говори... Мелкий я сегодня... просто родился под несчастливой звездой!

Он взъерошил свои растрепанные кудри и принялся путано, бессвязно рассказывать о сегодняшних приключениях.

— Хорошо хоть бегаю быстро! Правда! Кажется, за всю жизнь я еще никогда так не гонял! Взгляд у этого типа — просто жуть! Того и гляди сожрет живьем!

Е Сюймэн содрогнулся от воспоминаний, приложив руку к колотящемуся в груди сердцу, и снова поежился при мысли о леденящем взгляде Шэнь Инчжоу.

— Честно, Цзиньлань, не вру! Мне показалось, он и правда прикончит меня! Ну или по крайней мере переломает ноги! Жуть как страшно!

Он живописуя описывал всё в красках, размахивая руками и изображая, как этот живой царь ада поднял его за шкурку, словно цыпленка.

Даже попытался скопировать леденящий тон обидчика, а рассказывая о том, как наступил ему на ногу и толкнул, он даже изобразил на лице горделивую ухмылку победителя, чудом сбежавшего от смерти.

Но стоило заикнуться об исчезновении Бай Вэйвэй, как воодушевленный тон резко упал, а взгляд потускнел, оставив после себя лишь густую, неразбавленную тоску.

— Скажи... я ведь и правда полный дурак?

<http://bllate.org/book/19437/1904446>